

ВОСТОК РОССИИ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ*

Сергей Александрович ИВАНОВ,

младший научный сотрудник Отдела международных отношений и проблем безопасности Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: 02isa02@mail.ru

Автор статьи делает попытку выявить новое место Востока России в пространственной организации внешней политики Китая через проекцию интересов межгосударственных российско-китайских отношений и приграничных с Россией провинций и уездов КНР в рамках их действий на мировой арене.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, Дальний Восток России, Сибирь, приграничные отношения.

East of Russia in the spatial organization of China' foreign policy

S.A. Ivanov, junior researcher, Department for International Relations and Security Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok.

The author of the article attempts to reveal the place of eastern part of Russia in the spatial organization of China's foreign policy through the perspective of China's interests within the scope of the Sino-Russian interstate relations and through the perspective of international activity of China's provinces and countries that border with Russia.

Key words: China, foreign policy, the Russian Far East, Siberia, cross-border relations.

Периферийное положение и исторические условия освоения восточных районов России определили их «геополитическую уязвимость» [1, с. 270—301], ставшую источником гипертрофированного восприятия российской властью и обществом внешних угроз на тихоокеанском направлении. С начала 90-х гг. опасения по поводу утраты Россией контроля над сибирскими и дальневосточными территориями в значительной степени стали связываться с Китаем ввиду территориальной близости и огромной разницы в демографических потенциалах, стремительного роста его экономики и усиления позиций на международной арене при одновременном ослаблении Российской Федерации.

Несмотря на убежденность некоторых российских учёных [2], занимающихся геополитическими исследованиями, что у Китая есть план или намерение аннексировать часть территорий РФ, документы, заявления и тем более действия центральных властей не позволяют считать, что КНР рассматривает Дальний Восток и Сибирь (ДВС) как целостный

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ДВО РАН № 09-III-A-11-556.

объект своей политики в отрыве от её «российского» вектора. В связи с этим геополитику Китая применительно к восточным районам РФ целесообразно рассматривать в двух измерениях: в рамках межгосударственных российско-китайских отношений и через проекцию интересов отдельных провинций и уездов Китая в рамках их действий на мировой арене. Необходимость такого деления обусловлена тем, что вопросы внешнеполитического влияния КНР в региональном и глобальном контексте, политика на сырьевых рынках, урегулирование споров по физическим границам с соседними странами, хотя территориально и связаны с ДВС, имеют исключительно межстрановой характер. В то же время важность учёта интересов провинций и уездов обусловлена значительным их влиянием на международную политику Китая при налаживании приграничного и межрегионального взаимодействия с прилегающими российскими территориями.

Дальневосточное и сибирское измерение геополитических интересов КНР в рамках межгосударственных российско-китайских отношений

В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. в результате тяньаньмэньских событий, смены политического руководства КНР и распада СССР внешняя политика и геополитические ориентиры КНР претерпели значительные изменения. В это время в Восточной Азии лидерская система международных отношений, когда регион управлялся и контролировался определённой группой лидеров (США, СССР и КНР), уступила место пространственной системе, в рамках которой отдельные полюсы-лидеры утрачивают своё абсолютное влияние, а степень организованности средних и малых стран, составляющих региональное пространство, позволяла нейтрализовать импульсы со стороны, как минимум, одного наиболее мощного полюса или всех полюсов в совокупности [1, с. 59—69]. В новых реалиях Китай окончательно отошёл от рассмотрения своей внешней политики в рамках концепции гегемонии и третьего мира и стал выделять два основных направления приложения своих сил на международной арене: сотрудничество с соседними странами (усиление позиций в Азии) и диалог с державами, включая США, Россию, Японию, Индию и др. [3, с. 33—34]. В процессе укрепления своих позиций в мировой политике в сфере геополитических интересов у Китая появилось новое измерение — активизация взаимодействия с развивающимися странами Африки и Латинской Америки [1, 88—89].

В пространственной организации китайской внешней политики Россия занимает двоякую позицию: с одной стороны, КНР, имеющую общую границу с РФ, причисляет к «соседним» странам, с другой — к державам*. Для восточных районов РФ такая двойственность имеет как позитивные последствия, проявляющиеся в заинтересованности Китая к сохранению

* С точки зрения китайской внешнеполитической концепции, таким «двойным» статусом обладают также Индия и Япония, однако ввиду характера их взаимоотношений с США, разницы в военно-стратегическом потенциале и ряда других причин качество политического диалога Китая с этими странами намного уступает российско-китайскому направлению.

стабильности на российско-китайской границе, так и негативные — низкая экономическая активность Китая на этих территориях.

В политической и военно-стратегической сфере Китаю выгодно осуществлять активный диалог и укреплять сотрудничество с «северной» державой, действуя в рамках своей концепции «безопасного соседства» [5, с. 30]. На практике это проявилось в установлении отношений стратегического партнёрства, демилитаризации пограничной зоны, взаимодействию в рамках ШОС, проведении регулярных совместных военных учений и подписании в 2004 г. Дополнительного соглашения о российско-китайской границе на её Восточном участке, которое после демаркации в 2008 г. поставило точку в территориальном споре двух стран. Апогеем «добрососедских» отношений стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (2001 г.), в котором стороны договорились «...превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение» [6, с. 32].

Экономическая сфера взаимодействия с «державным соседом» по своей значимости для Китая явно уступает политической и, что важнее, сдерживается последней. По данным Государственного управления статистики КНР в 2009 г. двусторонний оборот двух стран составил всего 38,8 млрд. дол. — с этим показателем Россия стала 11-м торговым партнёром Китая с удельной долей в общем торговом обороте Поднебесной в 1,7% [7, с. 72]. Инвестиционная и деловая активность Китая на сибирском и дальневосточном пространстве не может быть выгодной для Поднебесной не только с точки зрения экономической целесообразности из-за более дешёвой рабочей силы, транспортных издержек и т.д., но и в силу того, что фактическое укрепление его экономических позиций на периферии России приведёт не к усилению позиций в политическом диалоге двух стран, а, наоборот, будет приводить к трениям и ухудшению межгосударственных отношений из-за нарастания фобий в Москве относительно китайской экспансии. К тому же с военно-стратегической точки зрения КНР невыгодно способствовать развитию приграничной территории другой державы. В результате степень готовности Китая способствовать процветанию восточных районов России явно ниже, чем более слабым партнёрам в Юго-Восточной или Центральной Азии [8], что подтверждается малым объёмом прямых китайских инвестиций в экономику дальневосточных и восточносибирских регионов [9].

В последние два десятилетия важным фактором геополитики современного Китая, потенциально повышающим значение восточных районов России, для его дальнейшего экономического развития стала необходимость обеспечения сырьевой безопасности. В настоящее время Китай является нетто-импортёром сырой нефти, железной руды и других видов важных полезных ископаемых, в 2009 г. он стал удовлетворять внутреннее потребление нефти за счёт импорта более чем на 51% [10], железной руды — свыше 60% [11], меди — более чем на 40%, никеля — на 40%, олова — на 17%, цинка — на 15% [12]. Официальные лица в КНР не раз заявляли, что зависимость от импорта ископаемых

ресурсов усиливается и отрицательным образом сказывается на национальной безопасности государства. Документально стратегическая важность этого положения Китай подтвердил тем, что с 2001 г. в стране стала осуществляться среднесрочная Программа использования природных ресурсов (на 2008—2015 гг. была принята новая Программа), и в 2003 г. опубликована Белая книга «Политика Китая в сфере природных ресурсов». Тем не менее основные проблемы ресурсной безопасности КНР заключаются не в самих объёмах импортируемой продукции, а в недиверсифицированности её поставок и уязвимости транспортных коридоров [13, с. 8—9]. Так, в 2008 г. около 50% нефти Китай импортировал из стран Персидского залива [14], при этом вся ближневосточная нефть вместе с африканской (около 80% всей закупаемой за рубежом) перевозится через Малаккский пролив, что угрожает Поднебесной в одночасье остаться без жидких энергоносителей в случае военного конфликта или интенсификации пиратских атак в этом районе. В связи с этим природные ресурсы восточных районов России важны для Китая, так как являются для него альтернативными источниками сырья. Например, в 2008 г. доля российской нефти в китайском импорте составила всего 6,5% [15], при этом необходимо учитывать, что нефть пока поставляется в основном из Западной Сибири. Даже после введения в строй китайского ответвления трубопровода Восточная Сибирь — Тихий океан и выполнения плана поставок 300 млн. т сырья в течение 20 лет [16] общая доля российской нефти в общем потреблении КНР этого энергоносителя будет составлять всего несколько процентов.

Пока Пекин дорожит высоким уровнем политического сотрудничества двух стран и вряд ли будет рассматривать сибирские и дальневосточные ресурсы как стратегически важные для обеспечения своей сырьевой безопасности. Китай достаточно сдержанно отнёсся к отказу российской стороны от варианта строительства нефтепровода на Дацин и в отличие от некоторых европейских стран не стал провоцировать конфликт из-за повышения Россией экспортных пошлин на деловую древесину, хотя её доля в общем объёме импортных поставок круглого леса в 2007 г. составляла около 69% (а в общем потреблении КНР древесины и пиломатериалов — 15%) [19, с. 199—201]. Хотя Китай и участвует в сахалинских проектах (разработка Венинского месторождения), его вряд ли можно упрекнуть в стремлении привязать свои капиталовложения к сибирским и дальневосточным территориям: в наиболее крупный для себя проект по поставкам энергоносителей трубопроводным транспортом Восточная Сибирь — Тихий океан Китай осуществил инвестирование не посредством вложений в конкретные месторождения сибирских регионов, а посредством выдачи кредитов российским нефтяным компаниям [18].

Международная политика провинций и уездов Китая в отношении восточных районов России. Несмотря на сохранение сильной политической централизации, в процессе проведения политики реформ и открытости провинции и уезды Китая получили значительную свободу действий во внешнеэкономических делах [19], тем не менее эта свобода не выходит

за рамки общих принципов внешней политики страны. Применительно к ДВС важность учёта международной политики регионов Китая обусловлена следующими факторами:

- «Рост комплексной мощи Китая и сопровождающее его объективное увеличение давления (политического, экономического, военного, демографического) на глобальную инфраструктуру не всегда могут контролироваться из Пекина...» [20], следовательно, возможны не только управляемые, но и самопроизвольные конфликты, которые могут существенно осложнить российско-китайские отношения и ситуацию в приграничных с Китаем регионах РФ.
- В последние два десятилетия в связи с укреплением КНР окраинных территорий, в том числе и граничащих с Россией северо-восточных провинций [21], их экономическое давление на юг ДВС увеличивается. Эта геополитическая особенность современного развития Китая ставит вопрос, о том, насколько нужны ему восточные районы России для освоения своего Северо-Востока. Из программных документов по возрождению старых промышленных баз Северо-Востока вырисовывается интерес прежде всего к ресурсам ДВС и строительству приграничной инфраструктуры, однако ориентация на импорт российского сырья в плане развития региона минимальна.

Позиция Пекина по приграничному взаимодействию двух стран очевидна: он явно не готов жертвовать взаимовыгодными отношениями стратегического партнёрства с Россией на двустороннем, региональном и международном уровнях ради продвижения интересов северо-восточных провинций в восточной части России. Это было продемонстрировано непринципиальностью позиции властей КНР по таким заблокированным российской стороной трансграничным проектам, как создание приграничного торгово-экономического комплекса «Пограничный-Суйфэньхэ» (китайская сторона построила значительную часть инфраструктуры), строительство моста через р. Амур в районе г. Благовещенска и Хэйхэ, и др.

В последние два десятилетия наблюдается расширение границ геополитических интересов провинций и уездов Северо-Восточного Китая. Например, активность провинции Хэйлунцзян в середине 80-х — начале 90-х гг. распространялась исключительно на приграничные субъекты РФ, в первой половине 90-х гг. интересы региона переместились на всю России, а с конца 90-х гг. — на всю Северо-Восточную Азию. Указанную трансформацию можно наблюдать на примере изменения формата Харбинской торгово-экономической ярмарки. В 1989 г. прошла первая Торгово-экономическая ярмарка сотрудничества Китая с СССР и Восточной Европой, которая изначально задумывалась как площадка для сотрудничества исключительно со странами советского блока. С 1992 г. она была переименована в Харбинскую ярмарку приграничного и регионального торгово-экономического сотрудничества, а в 1996 г. — в Харбинскую торгово-экономическую ярмарку. С 1994 г. на выставку впервые стали приглашать гостей из стран Запада и СВА — в дальнейшем их присутствие

постепенно увеличивалось с одновременным расширением географии участников из российских регионов. С 2006 г. это мероприятие стало называться Харбинской международной торгово-экономической ярмаркой, в 2008 г. в рамках ярмарки начал проводиться «Форум регионального развития Северо-Восточной Азии», который заменил собой инициированный в 2003 г. «Международный форум по вопросам регионального развития и сотрудничества России и Китая» [22].

Таким же образом видоизменялась география интересов на уездном уровне. С середины 80-х гг. Суйфэньхэ начал проводить «арбузную» дипломатию в отношении Пограничного района Приморского края РСФСР, когда суйфэньхэские власти ввозили на российскую приграничную территорию центнерами арбузы и другие продовольственные товары для налаживания отношений с властями Пограничного района. В начале и середине 90-х гг. с развитием шопинг-туризма и закреплением за городом функции перевалочной базы китайского ширпотреба в Россию политические, экономические и культурные связи Суйфэньхэ распространились до границ Приморского и Хабаровского краёв. С конца 90-х гг. город активно продвигал идеи трансграничного сотрудничества России, Японии и Кореи в сфере туризма, политико-административных контактов, торговли и т.д.

Пространственно российские регионы скovskyвают ежегодно увеличивающиеся экономические возможности и амбиции китайских территорий, которые уже давно выросли из «штанов» приграничного сотрудничества с Россией. В попытках преодолеть географическую изолированность от СВА провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Автономный район Внутренняя Монголия настойчиво и пока безуспешно проводят политику по «открытию» юга ДВС, стремясь сделать его прозрачным для товарных и людских потоков в направлении СВА и Европы: попытки получить транзитный выход на порты Приморья, проекты по строительству мостов с выходом на Якутию и Транссиб, планы по созданию прямой железнодорожной линии СВА — Китай — Россия — Европа с порта Далянь до Маньчжурии и далее на Транссиб в обход её дальневосточного отрезка не нашли поддержки в России и были заморожены.

Сомнение в дальнейшей перспективности дальневосточного направления как основы международной деятельности приграничных с Россией территорий появляется и в академической среде КНР. Пекинские и провинциальные исследователи с начала 90-х гг. указывали на необходимость развития сотрудничества с европейской частью России. В конце 2009 г. директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР Син Гуанчэн, один из ведущих русоведов Китая, высказал мнение о том, что Северо-Восток Китая должен развивать сотрудничество преимущественно с центральной и европейской частью России, так как «отношения с Дальним Востоком и Сибирью РФ менее перспективны» [23].

В пространственно-структурной организации современной внешней политики Китая Россия за последние два десятилетия стала устойчиво

восприниматься в качестве «державы-соседа», поэтому, с одной стороны, Китай заинтересован в сохранении стабильности на приграничных территориях двух стран, с другой — не готов инвестировать развитие восточных регионов России. Дальнейшее нарастание экономической мощи северо-восточных провинций КНР приведёт к ещё большему расширению границ их геополитического влияния и будет способствовать активизации попыток китайской стороны интегрировать ДВС в своё экономическое пространство для выхода на более перспективные рынки стран СВА и Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии. 1945—1995. М.: Конверт, 1997. 352 с.
2. Храмчихин А.А. Угроза, которая сама по себе «не рассосётся». Китай неизбежно ломает нынешний мировой порядок // Независимая газета. 2008. 22.02. — URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2008-02-22/2_ugroza.html (дата обращения: 25.04.2009); Дугин А. Простая формула российско-китайских отношений // Амур. правда. 20.04.2006. — URL: <http://www.amurpravda.ru/articles/2006/04/20/18.html> (дата обращения: 15.02.2008).
3. Вэй Цзуню. Чжунго синь вайцзяо: гонэй бяньцян, вайбу хуаньцин юй гоцзи тесюй = Новая внешняя политика Китая: внутренние сдвиги, внешняя обстановка и международный порядок // Гоцзи Гуаньча. Пекин. 2006. № 4. С. 33—40.
4. Wei Zonglei, Fu Yu. China's Foreign Strategy: Constantly Deepening and Broadening // Contemporary International Relations. 2010. Вып. 20. № 2. С. 79—95.
5. Пэн Пэй. Дэн Сяопин дэ чжоубянь вайцзяо чжаньлюе цзи ци шицзянь ии = Внешнеполитическая стратегия Дэн Сяопина в отношении соседних стран и её реальное значение // Лилунь юекань. Пекин. 2008. № 1. С. 30—32.
6. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Москва. 2001 г. 16 июля.) // Сборник основных официальных документов, регламентирующих двусторонние международные отношения России и Китая на современном этапе. Благовещенск, 2005. 496 с.
7. Чжунго тунцзи чжайяо 2010 = Краткий статистический справочник 2010. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньше. 2010. 210 с.
8. Мамонов М. «Стратегия профилактики опасности» во внешней политике КНР // Международные процессы. 2007. № 3. — URL: <http://www.intertrends.ru/fifteen/003.htm> (дата обращения: 12.04.2008).
9. В 2007 г. инвестиции КНР в общем объёме иностранных инвестиций на Дальнем Востоке и Забайкалье России составили всего 0,5%: Иностранные инвестиции в экономике Дальнего Востока и Забайкалья в 2007 году // Ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации Дальнего Востока и Забайкалья. — URL: http://www.assoc.fareast.ru/fe.nsf/pages/fecon_inv_01.htm (дата обращения: 02.03.2009).
10. Чжунго юанью цзинькоу ишуньду шуочао цзинцзесянь = Зависимость Китая от импорта сырой нефти впервые пересекла безопасную отметку // Информационное агентство Синьхуа. 09.03.2010 — URL: http://news.xinhuanet.com/fortune/2010-03/29/content_13265670.htm (дата обращения: 12.04.2010).
11. Текуанши таньпань: лэнчжань синьтай жэн цзай цзосуй = Переговоры по железной руде: психология холодной войны по-прежнему коварна // Агентство новостей Китая. 26.02.2010. — URL: <http://www.chinanews.com.cn/cj/cj-cyzh/news/2010/02-26/2140960.shtml> (дата обращения: 05.05.2010).

12. Рассчитано по: 2009 няньду куанчаньпинь шичан баогао = Отчёт о рынке полезных ископаемых в 2009 г. // Управление внешней торговли Министерства коммерции Китая. 24.02.2010. — URL: <http://wms.mofcom.gov.cn/aarticle/subject/gupck/subjecto/201002/20100206793380.html?3931846139=2462195606> (дата обращения: 25.03.2010).
13. Шэнь Лэй. Во го куанчань циюань аньцюань чжаньлюе яньцзю = Изучение стратегии обеспечения сырьевой безопасности Китая // Куане яньцзю юй кайфа [Пекин]. 2004. Вып. 24. № 5. С. 6—12.
14. Чжундун цзюйши юй во го нэнюань аньцюань фачжань дэ сюаньцзэ = Обстановка на Ближней Востоке и выбор Китаем дальнейшего пути обеспечения энергетической безопасности // Информационное агентство Синьхуа. 05.08.2010. URL: http://news.xinhuanet.com/mil/2010-08/05/content_13968449.htm (дата обращения: 06.08.2010).
15. Рассчитано по: 2008 нянь 12 юе цюаньго юанью цзиньчукоу фэнь гоцзя хэ дицюй тунцзи = Статистика внешней торговли Китая сырой нефтью по странам и регионам за декабрь 2008 г. // Китайская национальная нефтегазовая корпорация. 11.01.2009. — URL: <http://www.cnpc.com.cn/yрxx/yрsc/tjsj/yу/2008年12月全国原油进出口分国家和地区统计.htm> (дата обращения: 13.09.2009).
16. 2009: В обход — на Запад, вперёд — на Восток! // Интерфакс. 31.12.2009. — URL: <http://www.interfax.ru/txt.asp?id=117330&sec=1492> (дата обращения: 12.01.2010).
17. Рассчитано по: 2008 нянь чжунго линье фачжань баогао = Отчёт о развитии лесного хозяйства Китая // Министерство лесного хозяйства Китая. 19.11.2008. — URL: <http://www.forestry.gov.cn/portal/main/s/62/content-72.html>; Гу Цзедэн. Во го цзинькоу муцай сюйцю цзи шулян бяньхуа фэньси = Гу Цзе и др. Анализ количественного изменения и потребностей Китая в импорте древесины и пиломатериалов // Гуандун нунье кэсюе. 2009. № 10. С. 199—202.
18. Долг платежом красен. «Роснефть» и «Транснефть» «отработают китайские кредиты в рамках межправительственного соглашения» о сотрудничестве в нефтяной сфере // Информационное агентство ПРАЙМ-ТАСС. 21.04.2009. — URL: <http://www.prime-tass.ru/news/articles/-201/%7BEA53F76D-6818-42CC-B858-E81CC6D52A3B%7D.uif> (дата обращения: 22.04.2009).
19. В исследованиях западных и российских Китаеведов широко изучена проблема участия провинций Китая в международной деятельности. Например, Peter T.Y. Cheung, James T.H. Tang. The External Relations of China's Provinces // The Making of Chinese Foreign and Security Policy in the Era of Reform, 1978—2000. P. 91—120; Zheng Y.N. Perforated Sovereignty: Provincial Dynamism and China's Foreign Trade // Pacific Review. 1994. V. 7. № 3. P. 309—321; Brantly Womack and Guangzhi Zhao. The many worlds of China's provinces: foreign trade and diversification / China deconstructs: politics, trade, and regionalism / edited by David S.G. Goodman and Gerald Segal. London; New York: Routledge, 1994. P. 131—176; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 424.
20. Мамонов М. «Стратегия профилактики опасности» во внешней политике КНР // Международные процессы. 2007. № 3. — URL: <http://www.intertrends.ru/fifteen/003.htm> (дата обращения: 12.04.2008).
21. Джордж Фридман. Геополитика Китая: окружение великой державы (George Friedman. The Geopolitics of China: A Great Power Enclosed) // Аналитический центр STRATFOR. 15.06.2008. — URL: <http://web.stratfor.com/images/GEOPOLITICS%20of%20China%20080615.pdf> (дата обращения: 22.01.2010).
22. По материалам сайта Харбинской международной торгово-экономической ярмарки. — URL: <http://www.ichtf.com> (дата обращения: 04.07.2010).
23. Чжун э пичжунь пилинцюй хэцзо гуйхуа ганяо = Китай и Россия утвердили Программу сотрудничества приграничных территорий // Китайская академия общественных наук. 25.09.2009. — URL: <http://www.cass.net.cn/file/20090925241671.html> (дата обращения: 24.10.2009).